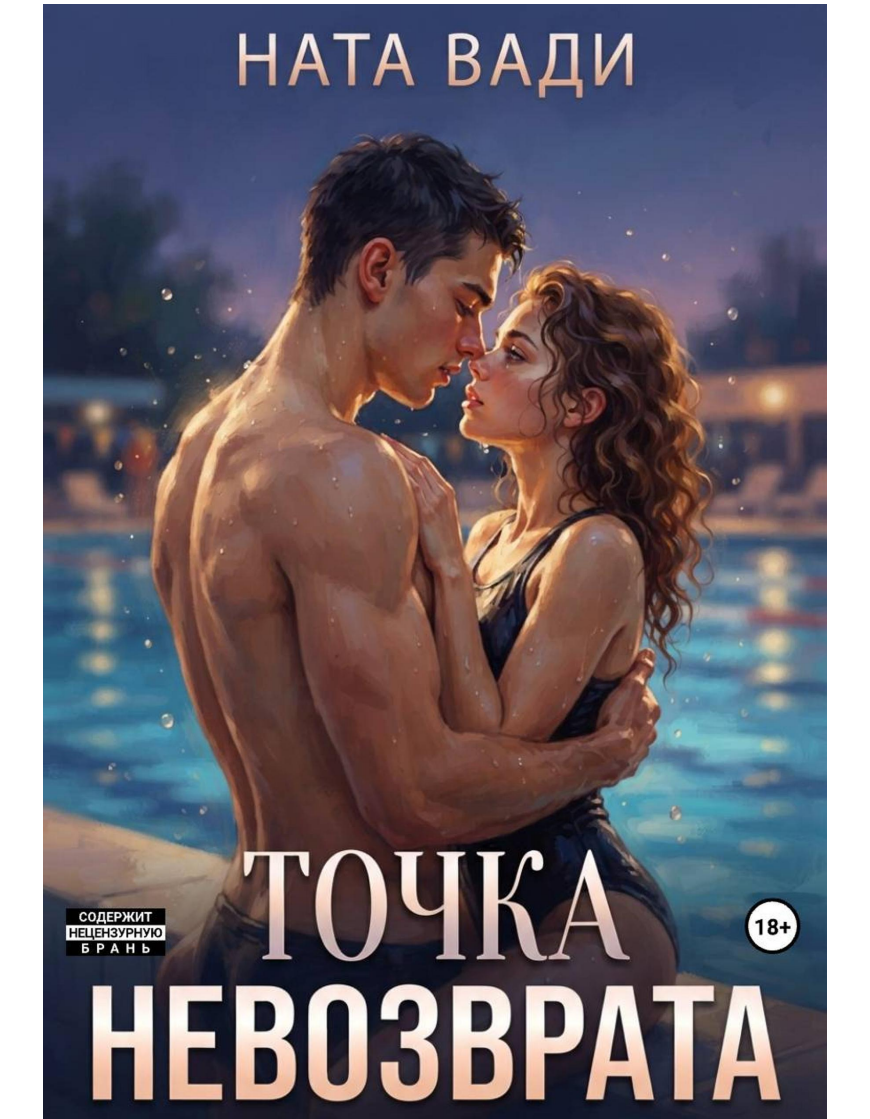

НАТА ВАДИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Ната Вади

Точка невозврата

<https://litres.ru/74646503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда настоящие чувства скрываются под тонной упрямства и иронии. Лёля и Влад успешно это подтверждают: она — вечно недовольная любым его действием, он — вызывающе уверенный в себе. Их противостояние превратилось в привычку, которая обоим кажется вполне себе безопасной формой близости.

В одну ночь привычное положение вещей ломается. Лёля бьёт себя в грудь и называет случившееся ошибкой. Только вот незадача: Влад отчего-то не планирует отступать и забывать.

Правила, которые давно были выстроены между ними, отныне должны быть пересмотрены. Ведь точка невозврата уже наступила, остается только принять верное решение...

Это история про второстепенных героев из книги Коэффициент трудности: Лёлю Крашенинникову и Влада Игнатьева. Полностью самостоятельное произведение.

Вас ждёт:

- троп от ненависти до любви.
- герои давно знакомы;
- студенчество и спорт;
- сомневающаяся и неопытная героиня;

- харизматичный герой
- стремительное развитие отношений;
- горячие и откровенные сцены.

Содержание

Глава 1. Трусиха	5
Глава 2. Quid pro quo	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ната Вади

Точка невозврата

Глава 1. Трусиха

Идиот!

Придурок!

Неадекват больной!

Нелестные прозвища, яркими всполохами рождающиеся в голове, тут же дублируются словами через рот. А всё потому что отбитый на всю голову Влад Игнатьев пробрался в гостиничный номер, который я делю еще с одной девочкой из университетской сборной по прыжкам в воду, нагло схватил меня, перекинул через плечо и теперь тащит в неизвестном направлении! Нет, конечно, он всегда был редкостным дебилом, но чтобы вот так бессовестно себя вести, это переход всех мыслимых и немыслимых границ.

Одной рукой со всей силы колочу его по спине, а другой пытаюсь одернуть собственную ночнушку, которая, я уверена, задралась уже по самое не хочу. Мысленно благодарю себя любимую за то, что умудрилась надеть трусы после душа. Спать всё время в нижнем белье — девушкам вредно, но с учетом того, что я в чужом городе на соревнованиях, при этом расположилась в номере отеля с соседкой, голожопить

как-то некомильфо.

Последний день здесь, кстати, завтра возвращаемся домой в Питер и меня ждет лето без бесконечных соревнований. А еще буквально месяц — и без Влада Игнатьева, ибо мы сдадим сессию, официально станем третьекурсниками, и всей группой разойдемся на летние каникулы. Что означает чуть больше двух месяцев без лицезрения этого придурка. Видимо, напоследок судьба решила повернуться ко мне знатной задницей, если подстроила такую подлянку...

Игнатьеву хоть бы хны вообще на мои удары, стенания и шипения. Во-первых потому что он сильнее меня раза в три, во-вторых, Влад — отлетевший говноед. И этим всё сказано.

Мои кулаки продолжают врезаться в его спину, но такое ощущение, будто я колочу по бетонной стене. Твердые мышцы даже не вздрагивают под тонкой тканью футболки. Ощущаю, как его плечо больно упирается мне прямо в живот, перекрывая дыхание, и от этого злость только сильнее закипает где-то под ребрами, растекаясь по венам горячей лавой. Руки ноют от бесполезных попыток причинить говноеду хоть какой-то дискомфорт, этот громила даже не сбивается с шага.

— Игнатьев, ты охренел совсем?! — шиплю я, пытаюсь извернуться, но его рука только крепче прижимает меня к себе, фиксируя на месте. — Отпусти меня, скотина!

В ответ — ни звука. Только его топот по ковровой дорожке коридора и мое собственное пыхтение, которое, признаться честно, звучит жалко даже для меня самой.

В итоге минуты через четыре хождения по коридору и перемещения на этаж ниже, эта чокнутая скотиняга открывает чей-то номер и затаскивает меня в него. Опускает на широкий подоконник и делает шаг назад, я же на секунду даже пугаюсь.

Того, например, что может родиться в голове у Игнатьева в этот момент.

Однако он лишь закатывает глаза, потом берет бутылку воды из мини-бара и осушает ее почти полностью за раз. Это типа намек, что я тяжелая и он вымотался, пока меня тащил?! Ну так мог бы и воздержаться от подобных активностей. Отчего-то нахожусь в ступоре, не понимая, *что* Игнатьев задумал, ожидая очередного подвоха. Только вот мое недоумение сменяется резким выдохом и горящими щеками, ибо идиот зачем-то сдергивает с себя футболку.

Замираю. Просто застываю, как идиотка, с приоткрытым ртом и глазами, которые отказываются моргать.

Господи боже мой.

Его тело — это отдельный вид искусства, который я категорически отказываюсь признавать. Широкие плечи переходят в рельефную спину, где каждая мышца прорисована так четко, будто ее высекал скульптор. Лопатки двигаются под гладкой загорелой кожей, когда он отбрасывает футболку на кресло, и это движение почему-то завораживает больше, чем должно. Грудь — широкая, с четко очерченными мышцами, которые не выглядят как результат тупого качания в зале, а

скорее как естественная форма для человека, который живет спортом. Пресс — кубики, мать их, настоящие кубики, которые проступают даже в полумраке номера. А ниже пупка — та самая дорожка темных волос, исчезающая за поясом спортивных штанов, и мой взгляд невольно следует за ней, прежде чем я успеваю себя одернуть.

Твою мать, Крашенинникова. Соберись.

Ругаю себя на чем свет стоит. Мало того, что я удобненько расселась в чужом номере, так еще и чуть ли не восхищаюсь фигурой Игнатьева. И чем я не дура?! Не то, чтобы меня прямо дико смущает мужская полуобнаженка. Прыжки в воду — такой спорт... Особо ничем не удивишь. Но одно дело тренировки, соревнования, а другое — пребывание в одном замкнутом пространстве с наполовину раздетым Игнатьевым.

Не успеваю возмутиться, как Влад бросает мне нейтральное:

— Крош, я в душ, посиди тихо, не буянь.

Как он задолбал! Меня зовут Лёля! Лё-ля! Ну на худой конец Оля. Нет, этот идиот почему-то решил называть меня крошем. Типа от фамилии Крашенинникова образовал. Умник.

— Ты больной извращенец?! Какого черта ты меня сюда притащил. Я сейчас же иду обратно! — спрыгиваю с подоконника и направляюсь на выход. Только вот меня почти сразу перехватывают поперек живота сильные ручища Иг-

натьева. Тут же же прошибает пот от того, что его клешни ложатся прямоком на мой живот. Начинаю лягаться и нахожусь в шаге от того, чтобы укусить придурка за руку.

— Эй-эй-эй, бешеная, успокойся, — пытается увернуться Игнатьев, при этом всё еще распуская свои культяпки. — Да черт тебя бери, Крашенинникова, перестань лягаться!

— Выпусти меня сейчас же!

— Да выпущу я тебя часа через два, дай ты людям потрахаться спокойно!

Замираю. Чего, блин?! Каким ещё людям?! Это он про кого вообще?

— Окстись, крошик. Кирсаныч всю неделю не может пробиться к твоей соседке, потому что ты обламываешь людям весь кайф и отказываешься посидеть спокойненько в фойе отеля.

Он наконец-то меня отпускает из кольца рук и я чуть ли не отпрыгиваю в другой конец номера.

— Так это и мой номер тоже, с чего бы я должна сваливать? Если так не терпится, то притащил бы Авдонину к себе в номер твой Кирсаныч. Не вижу проблемы.

— А тот факт, что у него номер по соседству с тренером, тебя не смущает? — выгибает он бровь.

— Какая мне разница?! Других людей вообще-то тоже надо уважать! Хотя... Кому я говорю об уважении, ты даже слова такого не знаешь.

Влад складывает руки на груди, закусывает губу и качает

головой. Потом его плотоядный взгляд проходит от кончиков моих ног, задерживается на животе и груди, и в конце концов достигает глаз. И хоть я знаю, что он просто пытается меня смутить, напряжение всё равно ударяет мне в низ живота. Внутренности, к моему стыду, приятно скручиваются и мне приходится запустить ногти в собственные ладони, чтобы умирить ненормальную реакцию.

— Не себе, не людям, да, Крашенинникова?

— Чего-о-о?

— Того, — расплывается в противной усмешке парень. — У самой никакой личной жизни нет, так и другим возможностей не даешь.

— Пошёл ты! — сладко бормочу я и разворачиваюсь, дабы Игнатьев не видел моих пунцовых щёк, которые будет заметно даже в полумраке номера.

Иду обратно к подоконнику, чтобы снова намеренно увеличить расстояние между мной и придурком, потому что не знаю, как он умудрился снова оказаться ко мне слишком близко, а я и не заметила в моменте. Отмечаю еще, что в этом номере окна выходят на басик, который красиво подсвечивается поздним вечером.

Сейчас — конец мая, и воздух уже по-летнему теплый, но все еще хранит ту особенную свежесть, которая бывает только в преддверии настоящей жары. Бассейн внизу переливается бирюзовым светом, пробивающемся сквозь толщу воды и дрожит на поверхности, разбиваясь на тысячи мел-

ких бликов. Вокруг него — аккуратно подстриженные кусты, чьи тени вытянулись в длинные, причудливые фигуры под светом фонарей. Где-то вдалеке, за территорией отеля, виднеются огни города — россыпь белых и оранжевых точек, которые сливаются в размытую линию на горизонте. Воздух, кажется, застыл в ожидании чего-то, и только легкий ветерок иногда тревожит гладь бассейна, заставляя блики танцевать быстрее.

Красиво. Спокойно. И совершенно не вяжется с тем хаосом, который творится здесь и сейчас.

Понимаю, что Игнатьев всё равно меня не выпустит, поэтому вновь забираюсь к окну и планирую позалипать на вид, если своей постели мне в ближайшие два часа не видать.

Чёрт, наконец-то до меня доходит то, что меня всё это время здесь смущало!

— Ты живешь в номере один! — перевожу взгляд на парня, понимая, что в его номере только одна двуспальная кровать.

— Вот это дикая наблюдательность, крошик, — беззлобно смеется Влад.

— Но...но... ты мог бы уступить этим кроликам *свой* номер. Ну ты и козел, Игнатьев!

— Брось, мне не в кайф, если кто-то будет сношаться в кровати, на которой мне потом спать.

— Ну сообразил бы себе другую постельку, — саркастически выдаю я. — Желающие бы нашлись!

— Ты, например? — придурок скалится и делает ровно шаг ближе.

— Ага, в твоих снах.

— Каждую ночь, Крашенинникова, каждую ночь.

Фу, блин. Великий соблазнитель нашелся. Слишком самоуверенный, знает ведь, что симпатичный. Высокий, крепкий спортсмен, что с него взять. Ровная линия челюсти, аристократичный нос, темные волосы и темно-карие глаза. Красивый черт, у него этого не отнимешь. Только вот с гнилой душонкой. А это перекрывает любую привлекательность.

В итоге только фыркаю. Из-за кроликов и придурка я не высушу волосы нормально и не выпрямлю их. Будет у меня взрыв на макаронной фабрике на голове к утру, это потом хрен уложишь, придется в ночи голову перемывать.

У-у-у, бесит до жути.

— Будь проще, Лёль, — он впервые за вечер обращается ко мне нормально и я поднимаю взгляд, неужто приступ адекватности настиг Игнатьева. — Все этим занимаются, и ты когда-нибудь тоже постигнешь все прелести плотской любви, — а, нет, мне показалось, он всё еще придурок.

Чувствую, как кровь приливает к щекам в очередной раз, почти вижу сочувственную ухмылку придурка. Да. Как. Он. Смеет. Что еще за намеки пошли! Да кто он вообще такой!

— Игнатьев, закрой рот, тебя не касается моя жизнь и то, чем и с кем я в ней занимаюсь.

— Ничем и ни с кем, — отрезает тот.

Снисходительно смеюсь, качая головой и вздыхаю в деланном умилении. Пробегаюсь взглядом по фигуре Игнатьева, а затем соболезнующе впииваюсь в его глаза своими.

— Как мило, что ты думаешь, будто хоть что-то обо мне знаешь, Влад, — издевательски тихо произношу в ответ. — Такой ты наивный, конечно.

Мне приносит огромное удовольствие смена эмоций на лице парня напротив. Неверие, недоумение, легкий шок, подобие ярости. Он в два счета оказывается около меня и кладет свои руки по обе стороны от моих ног. И бровью на этот жест не веду, делая вид что мне всё равно, хотя, честно говоря, поджилки трясутся ещё как.

— И с кем же? — злобно выдает Влад.

— С кем же что? — не отвожу взгляд, и парень быстр проскальзывает своими глазами по моим губам.

Мы слишком близко друг другу, мне это не нравится, я чувствую жар от чужих рук, находящихся в сантиметре от моих оголенных ног.

— Спишь, Лёля. С кем же ты спишь?

— Ты больной? Что *еще* тебе рассказать?

— Потому что рассказывать тебе нечего, солнышко, — затем Влад подается ближе и я по инерции чуть-чуть отстраняюсь. — Хотя если бы ты *тогда*не сдрейфила, жила бы сейчас шикарной половой жизнью, это я тебе гарантирую.

Тогда... Я прекрасно читаю шарады, которые загадывает парень. Просто это странно, ведь ни разу за шесть долбанных

лет он и словом не обмолвился о произошедшем.

И вот на тебе.

— Нам обоим тогда было по четырнадцать, алё! Вообще понимаешь, *как-то* звучит, Игнатьев? Неужели мой отказ встречаться с тобой в далеком детстве так задел твое непомерное эго, что ты до сих пор не отошел.

Влад резко сжимает мои бедра руками и в очередной раз подается вперед. Наши лица находятся на одном уровне сейчас, по моим венам стремительно пробегает ток, а руки парня проходятся по моим ногам вверх-вниз, и микроразряды от этих действий устремляются ровно в паховую область.

Я почти издаю стон, но удерживаю себя от подобного позора какими-то невероятными усилиями. Из моего рта вылетает только вздох.

Мое тело предает меня с пугающей скоростью. Кожа под пальцами Влада горит, будто он оставляет за собой след из огня, который растекается дальше — по бедрам, к животу, поднимается к груди, перехватывает дыхание. Даже чувствую, как собственные предательские соски твердеют под тонкой тканью ночнушки, и это чертовски унижительно, потому что не могу это контролировать. В том числе и то, как низ живота наливается тяжестью, пульс отбивает чечётку где-то в горле, воздух в легких становится густым и горячим.

Влад смотрит на меня так, будто читает каждую мою мысль, видит всё, что происходит с моим телом, и от этого осознания становится одновременно стыдно и... возбуждаю-

ще. Его глаза потемнели, зрачки расширились, он наклоняется чуть ближе, и я чувствую его дыхание на своей коже. Взгляд бродит по мои ключицам, выступающим над вырезом ночнушки, переходит на тонкую линию шеи, где пульс бьется так сильно, что это, наверное, заметно со стороны.

— Ты просто невероятная трусиха, Лёль. Была и остаешься, — совсем низко и хрипло выдает Влад, концентрируя свое внимание ровно на моих губах.

Его пальцы, до этого державшие мои бедра, разжимаются и медленно, почти невесомо, поднимаются вверх. Они скользят по моей талии, едва касаясь ткани ночнушки. Задерживаю дыхание, не в силах отвести взгляд от его лица, мужские пальцы добираются до ключиц и замирают там, очерчивая нежную кожу, и от этого легкого, почти невесомого прикосновения по всему телу проходит дрожь.

Внутри меня прямо сейчас борются две Лёли: одна — разумная, которая кричит, что нужно немедленно прекратить это безобразия, встать и уйти; другая — та, которую я откладываюсь признавать, жаждущая, чтобы это продолжалось, его пальцы двигались дальше, ниже, чтобы...

Нет!

Собираюсь задействовать исключительно здравую Лёлю, возмутиться в очередной раз, что-то ответить, съязвить, наорать, ударить придурка. Просто потому что так надо.

Но не успеваю ничего.

Ведь губы Влада Игнатьева в ту же секунду обрушиваются

на мои.

И это не нежный поцелуй, не робкое прикосновение — это что-то дикое, голодное, требовательное. Его губы жестко прижимаются к моим, и я чувствую, как рука скользит с ключицы на затылок, пальцы запутываются в моих волосах, фиксируя голову так, чтобы я не могла отвернуться. Другая рука возвращается на бедро, сжимает сильно, почти до боли, и это отрезвляет ровно настолько, чтобы я поняла — я не сопротивляюсь.

Я. Не. Сопротивляюсь.

Глава 2. Quid pro quo

Наверное, если бы мы были в каком-нибудь фильме-ром-коме, это стало бы сценой, которую зрители с нетерпением ждали чуть ли не половину фильма. Герои терпеть друг друга не могли, и вот ба-бах, их наконец-то перещелкнуло в нужное для сюжета русло.

Только вот мы не в ромкоме, а в номере отеля после выматывающих соревнований. И Влад Игнатьев — уж точно не положительный герой, с которым стоит иметь дело. Может, он и не ведет крайне разгульную жизнь, как в тех самых фильмах, но, например, я точно знаю, что он что-то там мутит с Паткиной с нашего же факультета, только она на год старше. И хоть они и не встречаются официально, но нечто между ними присутствует.

Всем известный факт.

Так какого же черта я, Лёля Крашенинникова, не ударяю Влада Игнатьева в грудь, не отталкиваю, а наоборот, порывисто хватаюсь за его горячие и твердые плечи и притягиваю к себе сильнее?

Гормоны? Абсолютное воздержание? Желание почувствовать, каково это, быть с кем-то вот так?

Я не знаю ответа. И, честно говоря, в эту секунду мне плевать. Плевать на Паткину, на здравый смысл.

Игнатьев слишком напорист и жаден. Я не поспеваю за его

движениями его губ и языка, даже не могу отвечать в полную силу, и дело даже не в моем скромном опыте, а в том, что парень пытается меня буквально сожрать. Начинаю задыхаться от его настойчивости, мне нужно глотнуть немного кислорода, иначе велик риск гипервентиляции легких.

Он ведет себя так, будто дорвался... Эта мысль возникает в моем помутившемся сознании, но я быстро ее выталкиваю. Не стоит, как говорится, подтягивать писю к носу, не то, чтобы Игнатьев был похож на человека, который особо воздерживался до этого момента.

Мне всё-таки удастся чуть-чуть оттолкнуть парня, который дышит, как загнанный конь. Смотрит на меня в полном шоке и непонимании. Снова дергается ко мне в попытке продолжить, но я зачем-то кладу свою руку ему на щеку и прошу:

— Потише.

Влад моргает один раз, потом медленно кивает. И вихрь закручивается снова.

Только теперь всё иначе. Он уже не спешит. Его губы возвращаются к моим — медленнее, глубже, будто он смакует. Язык скользит по моей нижней губе, Влад прикусывает её — легонько, дразняще, — и от этого по позвоночнику проходит разряд, который оседает где-то внизу живота. Мои ногти впиваются в его плечи, и я ощущаю под кожей твердые мышцы, которые напрягаются от каждого моего прикосновения. Он горячий. Господи, он такой горячий, что кажется, будто

я касаюсь раскаленного металла.

Влад отстраняется — только чтобы сделать судорожный вздох, — и его губы скользят по моей щеке, к уху, шее. Он целует меня под челюстью — в то самое место, где пульс бьется так сильно, что, наверное, отдает ему в губы, — и я невольно запрокидываю голову, открывая ему больше доступа. Он не заставляет себя ждать. Губы спускаются ниже, к ключицам, и там задерживаются, оставляя влажные следы, которые тут же холодеют на разгоряченной коже. Каждый поцелуй — как отдельный удар тока, словно маленький взрыв, который расходится волнами по всему телу.

Парень стонет. Тихо, низко, прямо мне в шею, и от этого звука у меня подгибаются пальцы на ногах. Широкие ладони накрывают мою грудь через тонкую ткань ночнушки, и я выгибаюсь им навстречу — инстинктивно, не думая. Большие пальцы проходятся по соскам, которые уже затвердели и предательски проступают сквозь легкий материал, я слышу собственный вздох — рваный, слишком надсадный в давящей тишине номера.

Ни слова. Ни единого слова. Только дыхание — его и мое, смешанное, горячее, неровное. Только звуки поцелуев, которые кажутся оглушительно громкими в этой тишине.

Его рука спускается ниже — по животу, по бедру, — и я замираю, потому что отлично осознаю, куда она направляется. Игнатьев не спешит. Ведет пальцами по внутренней стороне бедра, очерчивает край трусиков, и это прикосновение

— через ткань — заставляет меня вздрогнуть. Он делает это снова и снова, дразня, пока я не начинаю ерзать на подоконнике, пытаясь хоть как-то унять нарастающее напряжение.

И тогда он накрывает ладонью мою промежность.

Мои бедра сами собой сжимаются вокруг его руки. Он начинает массировать меня там — медленно, ритмично, — ткань трусиков становится влажной под его пальцами. Отодвигает их в сторону, и я чувствую его пальцы на своей коже. Первое прикосновение заставляет меня выгнуться, схватиться за его плечи, чтобы не соскользнуть. Влад двигается медленно, изучающе, будто читает моё тело, как карту.

— Так нравится? — его голос — хриплый шепот прямо в ухо.

Не отвечаю. Не могу. Только киваю, судорожно, отчаянно. Его палец скользит внутрь, я задыхаюсь от этого ощущения. Каждый раз, когда он задевает какую-то особенную точку внутри, по моему телу проходит дрожь. Игнатьев добавляет второй палец, и я впиваюсь ногтями в его спину, потому что это слишком — слишком много, слишком хорошо, невероятно интенсивно.

Я растворяюсь. Перестаю понимать окружающую действительность. Горячие губы вновь находят мои, парень глотает вырывающиеся из меня стоны, а я покорно отвечаю, потому что не получается иначе. Мои пальцы запутываются в мягких волосах, притягивают его ближе.

Безумие, сумасшествие.

Что-то нарастает во мне — где-то глубоко внизу, в самом центре. Это похоже на волну, которая поднимается всё выше и выше, и я знаю, что она вот-вот накроет меня с головой. Влад, наверное, чувствует это тоже — ускоряется, движения становятся настойчивее, глубже, и губы возвращаются к моей шее, к тому месту, где агрессивно бьется пульс.

Оргазм накрывает меня с головой. Я выгибаюсь на подоконнике, бедра сжимаются вокруг мужских пальцев, ощущая, как всё внутри меня пульсирует — сильно, ритмично, — и это длится, длится, длится, будто время остановилось. Не могу дышать. Не могу думать. Только чувствовать — как волны удовольствия расходятся по всему телу, от кончиков пальцев на ногах до корней волос, как каждая клетка моего тела поет от этого ощущения. Стону — громко, уже не сдерживаясь, — и Влад ловит этот стон своими губами, продолжая двигать во мне пальцами, пока последняя судорога не отпускает.

Обмякаю. Просто оседаю на подоконнике, и мой лоб сам собой упирается Игнатьеву в плечо. Он наконец убирает руку, пальцы выскользывают из меня, я вздрагиваю от этого последнего прикосновения. А потом широкая ладонь ложится мне на спину — нежно, почти осторожно начинает гладить. Медленно, круговыми движениями, от плеч до поясницы. Он целует меня в волосы. Легко, будто не придавая этому значения.

Я почти забываю, с кем именно сейчас нахожусь.

Почти...

По мере того, как прихожу в себя, меня с головой накрывает липкое, гнетущее чувство.

Ожидаемый стыд. Сожаление.

Нет... нет... нет. Только не *это*. Только не с этим человеком.

Как я могла?! Разменять уважение к себе на быстрое удовольствие. И ладно бы это был кто угодно, но только не чертов Игнатьев. Человек, который последние лет пять всячески стабильно пытается укусить меня словесно. Человек, который теперь, я уверена, будет использовать мое падение против меня, унижать, напоминать. Просто потому что я не подумала в моменте, поддалась эмоциям и странному желанию, которое искало выход.

Теперь всё ощущается совершенно иначе, сердце бьется не от возбуждения, а от ужаса. Подоконник кажется слишком жестким и холодным, сдвинутые трусики больно врезаются в плоть, плечо Игнатьева пахнет мазью с обезболом.

Я пытаюсь отстраниться и не знаю... убежать, расплакаться или закричать. Скорее всего, второе, ибо глаза уже жжёт слезами до боли. Однако в это самое мгновение рука парня накрывает мою и тянет на себя, располагая ровно на паху, где явно рвется в бой возбужденный член. Я сквозь ткань его штанов и нижнего белья ощущаю, насколько он напряжен. Кажется, на пару мгновений теряюсь и не убираю руку, а потом низкий kloкочущий голос произносит мне прямо в ухо:

— Теперь поможешь мне? — вопрос сопровождается очевидными движениями бедер в мою ладонь.

Как унижительно! Услуга за услугу?! Не верю, что это происходит со мной! Неудивительно, что все вечно думают, будто на сборах или соревах спортсмены ведут себя неподобающе, устраивают оргии, потребляют все презики, которые обычно располагаются в ящиках, а заодно скупают стратегический запас ближайшей аптеки.

Я сама не лучше! Глупая идиотка! Позволившая так много человеку, который меня даже не уважает. Отдавшая первый оргазм парню, который никогда подобное не оценит, лишь посмеется.

— Н-нет, отпусти, — холодно произношу я, одергивая руку и поправляя на себе ночнушку. В голове ещё гудит от пережитого оргазма, но тело и разум уже под контролем.

Влад поднимает руки, будто сдаваясь, делает все это в типично шутиливой форме, но, видимо, замечает мое выражение лица, выступившие слезы и резко выдыхает, пытается схватить меня за плечи и повернуть мое лицо ближе.

— Я сказала отпусти! — ору так, что наверняка в соседних номерах люди слышат каждое слово.

— Что за черт?! Почему ты так себя ведешь? — глупо хлопает глазами Игнатьев, застывая аки статуя.

— Может быть, потому что сама себе противна теперь? — выплевываю слова со злостью, собираясь сбежать. Пофиг, посижу где-нибудь, подожду, пока эти кролики закончат сно-

шаться в моем номере.

Ха! Лёля! И чем ты спрашивается лучше тех самых кроликов?!

— Т-ты серьёзно сейчас, Крашенинникова?

— Мне нужно уйти.

Влад резко перекрывает мне дорогу и разводит в сторону руки. Зачем-то замечаю, что у него всё еще стоит колом, это вгоняет меня в краску и запускает очередную порцию слёз.

— Я тебя обидел как-то? Что пошло не так?! Проясни!

— Я не хотела, ясно?! Ничего не хотела! Боже, это ужасно...

Игнатьев кривится и потирает грудь рукой, будто ему физически больно. Ох, знал бы ты, что творится у меня в душе, этот адский уровень раздрая. Но тебе нет до подобного дела.

— Жалеешь, значит?

— А ты сам как думаешь?

— Я? — усмехается парень и неверяще мотает головой.

— Я, Лёля, отлично видел, как твое тело отзывалось на меня. Ты, черт тебя бери, кончала ровно на мои пальцы.

Из меня вырывается всхлип, ещё немного и сгорят все внутренние предохранители, я осяду на пол и разрыдаюсь.

— Знаешь, у женщин даже при изнасиловании выделяется смазка! — снова почти кричу. — Тело так защищается, пытается облегчить хоть как-то процесс.

По телу Влада проходит волна дрожи. У него так сжимаются кулаки, выступают вены на руках, что мне становится

страшно. Парень почти рычит и прячет лицо в крупных ладонях.

— Забери свои слова назад, Крашенинникова. Ты не въезжаешь, что несешь.

Да, здесь он прав, сейчас был перегиб. Зато тот факт, что я оказалась вполне себе легкодоступной вряд ли является виной Игнатьева.

— Это была ошибка, — не знаю, кого я убеждаю в этом, себя или парня напротив. — Глупость, бред. Не собираюсь на этом заикливаться, дай мне пройти, хочу спать.

— Да, действительно бред, — соглашается Игнатьев, глядя на меня со странной брезгливостью. — То, что ты исторгаешь из своего рта — полный пиздец. Нашёл, с кем связаться, — последнюю фразу он произносит уже самому себе.

Направляюсь к двери, но взбешенный Игнатьев опережает меня и бросает напоследок:

— Оставайся в номере, Крашенинникова, нечего шататься по отелю так поздно, я просто переночую в другом месте. Вот мой ключ, — он бросает карточку на стол. — Закройся на замок и цепочку, снаружи к тебе пробиться не удастся. Чтобы ни я, ни кто-то еще не потревожил тебя и не покушался на твою мнимую честь.

— Я не собираюсь торчать здесь!

— Не дури, Крашенинникова. Ты сегодня уже саму себя переплюнула по глупостям, разве нет? Куда ты пойдешь? В коридоре будешь торчать? Мне есть, где приятно скоротать

остаток ночи, так что хорошо оставаться.

С этими словами, больше ни разу на меня не взглянув, Игнатьев удаляется. Я думала, что он резко хлопнет дверью, но этого не происходит. Следую совету: поворачиваю замок и вешаю цепочку на дверь. А потом сползаю по стенке и плачу, нет, рыдаю, без возможности успокоиться.

Корю себя за слабость и внезапную разрушающую связь с Игнатьевым. За то, что мне понравилось, точнее сказать, моему телу, которое прочухало, как вообще может быть рядом с парнем. За то, что я страшно опозорилась и теперь Влад не будет гнушаться тем, чтобы припомнить мне, как я выгибалась и извивалась от его действий. Нет, это не тот случай, где хороший парень скрывается под маской придурка. Это не тот случай, где человек резко изменит свое отношение ко мне. Это не тот случай, где им просто руководили спрятанные куда подальше чувства.

Оставим всё это для ромкомов. В реальности так не работает.

И да, ещё мне дико стыдно за то, что я провела аналогию с изнасилованием. Господи, да простят меня все люди, с этим когда-либо столкнувшиеся. Ляпнула не подумав.

То, что Игнатьев пошёл ночевать туда, где ему «помогут», очевидно. Тут куча спортсменов, не только из нашей сборной, выбор приличный. А у него, простите, дело незавершенное.

Не принимаю душ в номере Игнатьева, потому что отче-

го-то боюсь это делать здесь. У меня нет толкового объяснения, я же закрыта, в номер просто так не войдешь. А ещё мой телефон остался в другом номере, поэтому на всякий пожарный устанавливаю отельный будильник на пять утра, чтобы встать за несколько часов до официального подъема и последующего отъезда в аэропорт.

Хотя кого я обманываю, вряд ли сегодня ночью мне удастся уснуть.

Я сижу на полу, привалившись спиной к кровати, и смотрю в окно. Обхватываю колени руками и утыкаюсь в них лицом. От меня пахнет *им*— гелем для душа вперемешку с парфюмом, чужими прикосновениями. И это, пожалуй, самое унижительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.